

БАТУМЪ.

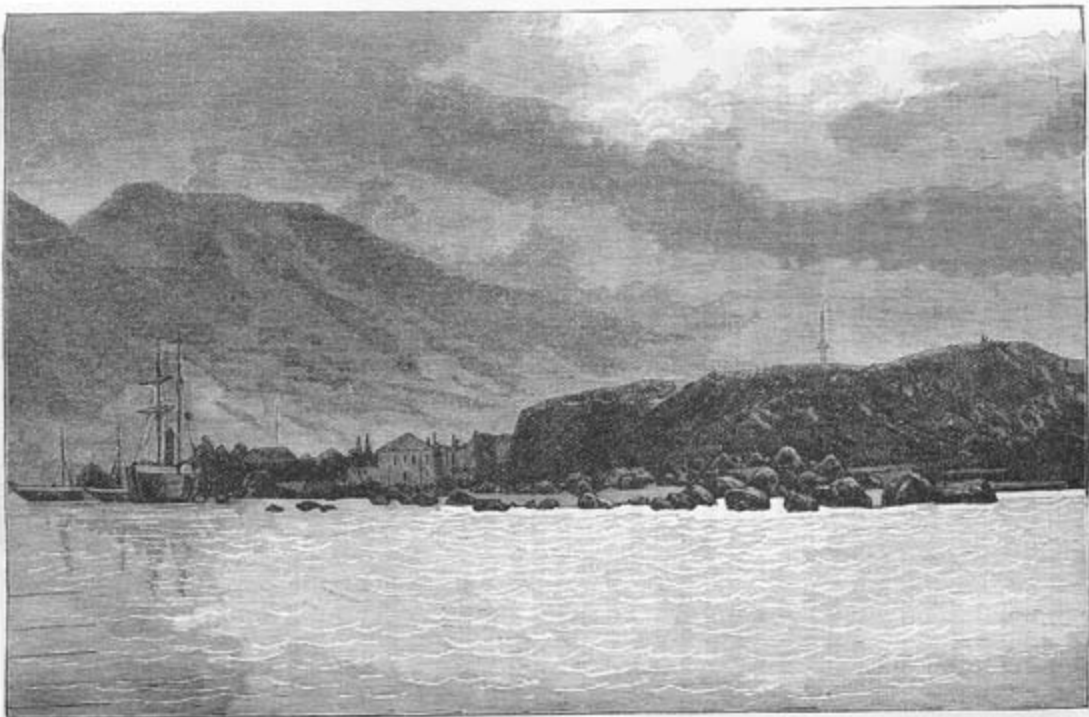
(Путевой очеркъ).

I.

ЛИШКОМЪ двадцать лѣтъ тому назадъ, прямо съ университетской скамьи, мнѣ представился рѣдкій случай сопровождать въ заграничномъ путешествіи одного изъ нашихъ извѣстныхъ профессоръ-ботаниковъ.

На высотахъ восточныхъ Альпъ Швейцаріи, въ верхнемъ Энгадинѣ, въ скромномъ горномъ городкѣ Понтрезина, окруженный снѣжными вершинами Бернина, Мортерачъ и Лангуардъ, я впервые познакомился, заочно, съ Кавказомъ, по живымъ и мастерскимъ рассказамъ профессора, постоянно сравнивавшаго все видимое и изучаемое нами съ такими же явленіями на Кавказѣ, гдѣ онъ прожилъ долго и который онъ зналъ основательно. Тогда же возгорѣлось во мнѣ неотвязчивое желаніе побывать непременно на Кавказѣ, чтобы воочию убѣдиться въ превосходствѣ его видовъ, грандіозности его горъ и роскоши ихъ растительности.

Желанію этому однако не суждено было осуществиться скоро; оно почти заглохло совсѣмъ, какъ вдругъ пришлось ему воскреснуть съ новою силою. Я получилъ приглашеніе пріѣхать въ Батумъ для примѣненія, къ вновь выстроеннымъ деревяннымъ баракамъ для проходящихъ войскъ, противопожарныхъ средствъ моего изобрѣтенія. Въ числѣ причинъ, побудившихъ меня принять эту работу, въ такомъ дальнемъ и невѣдомомъ краѣ, немаловажную роль играло старое желаніе увидѣть Кавказъ.

Видъ Батума.

Безконечно длинными казались нескончаемые переговоры, пока дѣло наконецъ уладилось и въ серединѣ прошлаго декабря варшавскій поѣздъ мчалъ насъ по направленію къ Одессѣ, чтобы, затѣмъ, оттуда моремъ ѣхать въ Батумъ. Послѣднее однако не осуществилось—въ этотъ разъ моремъ ѣхать не пришлось, вслѣдствіе непогоды, и хотя избранный путь на Полтаву, Ростовъ, Владикавказъ и Тифлисъ, оказался и очень кружнымъ и долгимъ, но за то вознаграждалъ необходимостью проѣхать вдоль всего почти Кавказа.

Верстахъ въ ста отъ Ростова, уже явно замѣтны признаки приближенія къ горной странѣ. Необозримая дотолѣ ширь степей все сѣуживается и на горизонтѣ вдали виднѣются дымчатая очертанія горъ. Кругомъ снѣгу нѣтъ и поля выглядываютъ въ осеннемъ нарядѣ. Со станціи Крыловской характеръ пробѣгаемой поѣздомъ мѣстности становится гористымъ, но возвышенности еще мягкаго очертанія, всѣ покрытыя лѣсомъ, слѣдовательно не слишкомъ круты и высоки. Въ быстро наступившей ночи, при свѣтѣ полной луны, окрестные виды замѣчательно хороши, а воздухъ напоминаетъ ранній, весенній. За контурами ближайшихъ горъ, на темномъ фонѣ безоблачнаго неба, то тутъ, то тамъ, мелькаетъ дальняя снѣжная вершина.

Съ конечной станціи Ростово-Владикавказской дороги—Владикавказъ и города того же имени, съ широкимъ бульваромъ и улицами и очень опрятнымъ видомъ, кончался желѣзнодорожный путь. Дальше путь лежалъ на лошадяхъ по извѣстной своею дикою живописностью военно-грузинской дорогѣ.

Описать бѣгло эту прелестную во всѣхъ отношеніяхъ дорогу нельзя; подробности же займутъ слишкомъ много мѣста, да при томъ она была не разъ описана и изображена во всѣхъ своихъ болѣе живописныхъ или замѣчательныхъ пунктахъ, перомъ, карандашомъ и кистью, и первыхъ мастеровъ и простыхъ туристовъ. Скажу только, что перевалъ черезъ Большой Кавказъ, на высотѣ 8,000 ф., въ сильную мятель, какъ намъ это пришлось сдѣлать, хотя и оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе, но довольно утомителенъ.

Величавая грандіозность и суровость общаго вида горъ этой части Кавказа, дѣйствительно, единственная. Еще можетъ идти въ сравненіе небольшой участокъ дороги изъ города Коира (Хура) въ Понтрезина, въ Швейцаріи, такъ называемый Альбула-пассъ; все же остальное—подавляетъ, прежде видѣнныя, горы, своею грандіозностью и, если можно такъ выразится, непомѣрнымъ пространствомъ, занятымъ неизчислимымъ количествомъ вершинъ, скалъ и утесовъ, нагроможденныхъ кругомъ и около, покуда глазъ можетъ хватить. Только послѣднія двѣ станціи до Тифлиса теряютъ этотъ характеръ непрерывнаго горнаго ущелья, такъ какъ здѣсь долина расширена значительно.

Характеристическую особенность этихъ кавказскихъ исполиновъ составляетъ ихъ построение, заключающееся въ томъ, что до самыхъ высокихъ вершинъ, пласты наслоенія идутъ, неразрываясь, параллельно другъ съ другомъ; невидно, на глазъ, слѣдовъ разрушительной вулканической дѣятельности, вѣроятно, не славившейся съ мощностью этихъ массъ и ограничившейся лишь ихъ поднятіемъ.

Проѣзжая по тѣснинамъ и ущельямъ, тѣсно обступающимъ, въ первой половинѣ пути, рѣку Терекъ, а во второй—рѣку Арагву, вѣчно бѣшено мчащія свои воды, съ массою утесовъ кругомъ, зачастую увѣнчанныхъ развалинами замковъ—крѣпостей, становятся понятными тѣ неимоверныя трудности, съ которыми приходилось считаться на каждомъ шагу первымъ покорителямъ Кавказа, но вмѣстѣ съ тѣмъ становится яснымъ и понятнымъ та привязанность, которую питаетъ туземецъ къ своей чудной странѣ и которая переходитъ нерѣдко и къ нетуземцу, по какимъ-либо обстоятельствамъ попадающему на болѣе долгое пребываніе сюда и сродняющемуся съ краемъ.

Проживъ нѣсколько дней для устройства кое-какихъ дѣлъ въ Тифлисѣ, я отправился по закавказской желѣзной дорогѣ въ Батумъ—конечную цѣль моего путешествія.

Отъ Мцхета дорога круто поворачиваетъ на западъ по направленію къ Черному морю и вплоть до станціи Михайловской идетъ по широкой долинѣ, пробѣгая много живописныхъ мѣстъ, изъ которыхъ въ особенности выдается городъ Гори, своею крѣпостью—цитаделью, украшенною четырьмя угловыми башнями и колоссальною лѣстницею съ одной стороны. Тутъ же, но съ другой стороны дороги, лежитъ оригинальнѣйшій древній подземный городокъ, состоящій весь изъ пещеръ, нынѣ, сверхъ историческаго интереса, представляющій громадный запасъ овечьяго гуано, набирающагося въ этихъ пещерахъ изъ года въ годъ отъ загоняемыхъ въ нихъ стадъ. Для предприимчиваго человѣка это обстоятельство могло бы послужить средствомъ составить себѣ большое состояніе.

Дорога, приближаясь къ Сурамскому перевалу, замѣтно идетъ въ гору; поѣздъ двигается значительно медленнѣе, хотя отъ станціи Сурамъ везутъ два локомотива, одинъ спереди поѣзда, другой сзади. Тотъ и другой пыhtятъ усиленно и распространяютъ тяжелый запахъ специфической копоты, такъ какъ топятъ мазутомъ, т. е. нефтью. Съ замѣтнымъ усиліемъ поѣздъ встаскивается по извивающимся зигзагамъ склона Сурамскихъ горъ, которые теперь, своими голыми скалами, заслонили до тѣхъ поръ ясно виднѣвшуюся, направо, цѣпь горъ Большого Кавказа. Верхушки утесовъ одѣты колоссальными кустами альпійской розы—рододендроновъ и отвѣсныя бока ихъ усѣяны струйками сочащейся сверху воды, иногда переходящей въ небольшіе водопады. На рубежѣ перевала лежитъ станція Пони, построенная на краю обрыва голой

горы, у подножія которой, далеко внизу, раскинулась прелестная долина, окаймленная широкими волнообразными возвышенностями, съ разсѣянными по нимъ большими деревьями.

У слѣдующей станціи—Ципа—лежащей уже ниже Поти, виднѣтся, за долиною, большая цѣпь горъ; у подошвы одной изъ нихъ явственъ рельсовый путь и масса каменнаго щебня и бревень; въ самой же горѣ виднѣтся небольшое темное пятно, оказывающееся отверстіемъ Сурамскаго тунеля, строящагося въ обходъ только-что пройденнаго нами перевала. Для керосина, главнѣйшаго груза закавказской дороги, тунель имѣетъ громадное значеніе, сокращая трудный подъемъ и такой же спускъ, но съ прорытіемъ его дорога потеряетъ одинъ изъ оригинальнѣйшихъ участковъ своихъ. До слѣдующей станціи Бежатубанъ мы быстро спускаемся, непрерывно сопровождаемые неприятнымъ звукомъ торможенія поѣзда.

Характеръ горъ рѣзко измѣнился, представляя теперь свои юго-западные склоны, отличающіеся обильною растительностью, ютящейся на каждой пяди горизонтальныхъ площадокъ утесистыхъ горъ. Весь участокъ дороги, до выхода на долину, при приближеніи къ Кутаису, представляетъ рядъ живописнѣйшихъ пунктовъ, не того грознаго вида, какъ военно-грузинская дорога, но едва ли менѣе красивыхъ и болѣе привѣтливыхъ массою растительности и замѣчательнымъ разнообразіемъ очертаній и освѣщенія, соединенныхъ въ одной картинѣ, оживляемой, то селеніемъ, то одинокою церковью, то виноградниками и фруктовыми рощицами, у берега быстрой рѣчки, то чередующимися, на послѣдней, мельницами.

Далѣе поѣздъ бѣжитъ мимо плодородныхъ полей Имеретіи, мимо Кутаиса, Ріона и у станціи Ланхуты поворачиваетъ на югъ, все ближе и ближе подходя къ Черному морю. Уже издали, направо, виднѣтся его безграничная водяная площадь, окаймленнѣя въ этомъ мѣстѣ некрасивыми, пустынными пространствами. Давно стемнѣло; воздухъ совсѣмъ теплый, какъ у насъ въ концѣ хорошаго апрѣля. Море почти омываетъ полотно желѣзной дороги и лѣниво разбиваются его волны о насыпь ея. Впереди, правѣе, ярко горятъ какіе-то два свѣта—одинъ красноватый, другой совсѣмъ бѣлый—это маякъ Батума и электрической фонарь, освѣщающій работы на новомъ молѣ. Послѣ небольшой остановки у въѣзда въ городъ, поѣздъ, описавъ огромную дугу по самому городу, подкатываетъ къ очень невзрачной деревянной станціи—Батумъ и мы наконецъ у цѣли своего путешествія.

На станціи обычная при приходѣ поѣзда суетливая толкотня. Съ подъѣзда виднѣтся масса извозчиковъ, выкликающихъ названія разныхъ гостинницъ. Съ перваго взгляда извозчики поражаютъ видомъ своихъ экипажей, такъ называемыхъ фэтоновъ, и

недурными лошадьми, да и сами возницы одѣты чисто, а нѣкоторые даже съ щегольствомъ, въ длинный грузинскій кафтанъ, подпоясанный кушакомъ съ серебрянными украшеніями, на головѣ же папахи различной формы и цвѣтовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ по пріѣздѣ мы находились уже въ гостинницѣ, на берегу моря, и съ плоской крыши ея любовались батумскимъ рейдомъ, блиставшимъ массою сторожевыхъ огней судовъ и электрическимъ фонаремъ на новомъ молѣ. Воздухъ былъ совершенно весенній и изъ-за высотъ окаймляющихъ городъ съ востока выплывалъ большой серпъ луны.

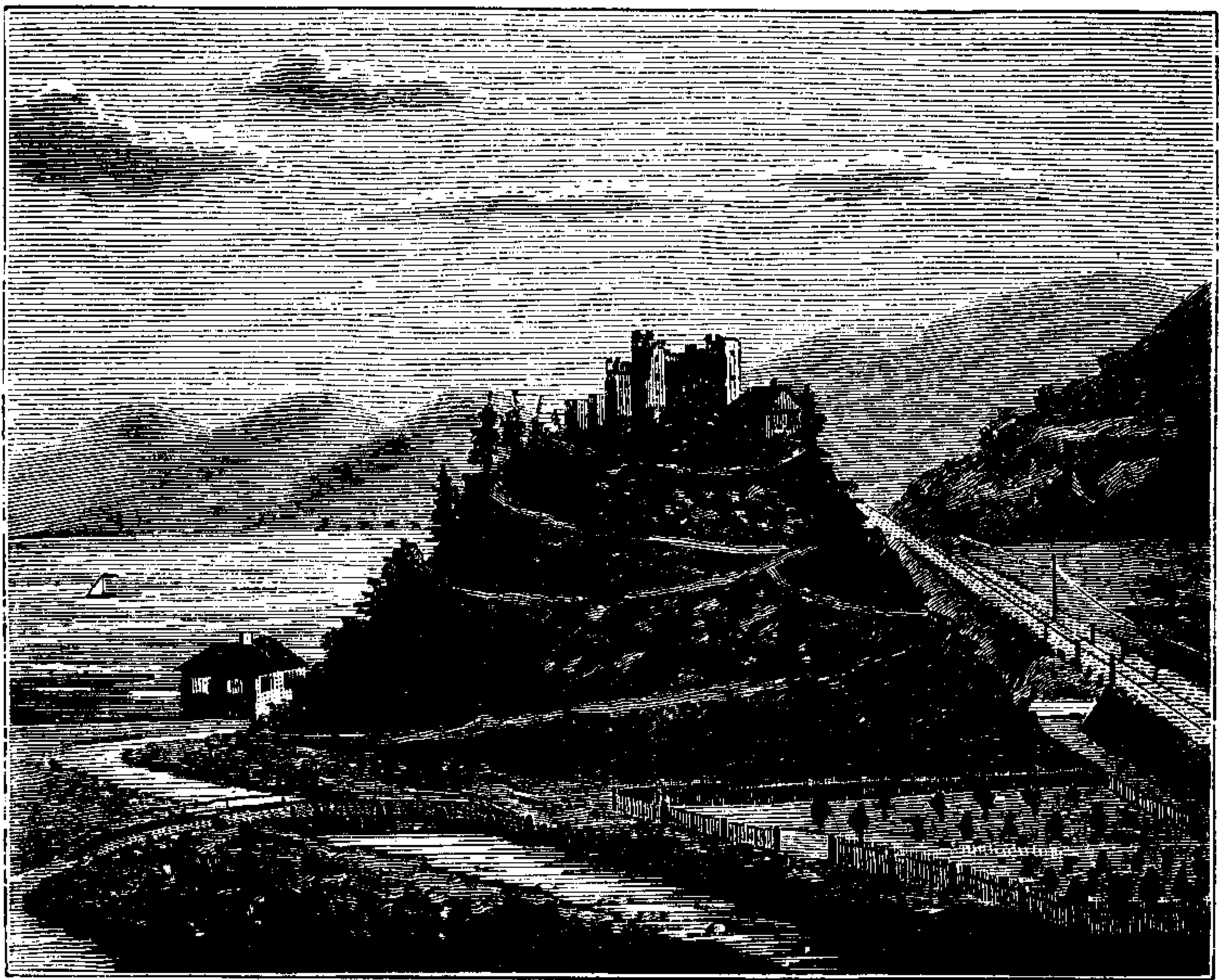
II.

Въ административномъ отношеніи Батумъ и его округъ нынѣ причислены къ Кутаиской губерніи. До присоединенія же онъ былъ главнымъ городомъ Лазистанскаго санджака, который однако присоединенъ къ намъ не весь. Изъ семи составлявшихъ его казъ (уѣздовъ) отошли къ намъ четыре — Батумская, Аджарская, Ливская и часть Хоппской, въ составѣ одного округа (нахе) Гонійскаго, другой же округъ этой казы и еще три казы — Архавская, Хемшинская и Атинская, — сстались за Турцію. Такимъ образомъ общая граница батумской области составляетъ линію отъ поста св. Николая, по прежней границѣ Озургетскаго уѣзда Кутаиской губерніи, далѣе — линія Ахалцыхскаго уѣзда, Тифлиской губерніи, — Ардаганскаго уѣзда Карской области и по границѣ упомянутыхъ и оставшихся за Турціей частей Лазистанскаго санджака и, наконецъ, по Черному морю.

Батумская и Карская области, эти единственные реальные выгоды нашей послѣдней войны съ Турцію, уступленные намъ по берлинскому договору, въ моментъ фактическаго принятія ихъ отъ турокъ, доставляли намъ не малую заботу, какъ вслѣдствіе обычной медленности и увертливости турецкихъ властей, такъ въ особенности, вслѣдствіе тревожныхъ слуховъ о готовившемся будто бы сопротивленіи жителей, вызванномъ англійскими агентами. Ничего подобнаго однако, къ счастью, не произошло — все обошлось благополучно, мы мирно вступили въ Батумъ и, конечно, навсегда останемся въ немъ.

Дѣйствительная исторія возникновенія Батума неизвѣстна, хотя уже въ началѣ II вѣка по Р. Х., онъ упоминается не разъ подъ именемъ *Bathys*, какъ римская военная станція. До конца XV вѣка всею страной владѣли представители туземнаго княжескаго рода Гуріели, но въ это время одинъ изъ нихъ, въ несчастливой войнѣ съ турками, потерялъ свои владѣнія, которыми и овладѣли турки. Въ 1564 г. эти послѣдніе вновь были вытѣснены однимъ изъ кня-

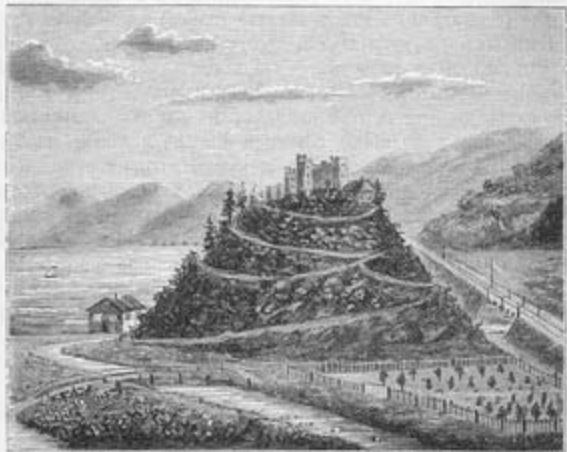
зей Гуріели, по имени Ростома, но не надолго. Затѣмъ батумская страна много разъ переходила изъ владѣнія своихъ мѣстныхъ князей во владѣніе турокъ, укрѣпившихся въ ней окончательно съ 1610 года. Сначала управленіе страной все-таки предоставлялось мѣстнымъ правителямъ—бекамъ, и такъ какъ владычество турокъ выражалось слабо, ограничиваясь лишь небольшою данью съ жителей, то управленіе бековъ было почти неограниченнымъ. Этотъ порядокъ, однако, мало-по-малу, измѣнялся послѣдующими турецкими правителями и при одномъ изъ нихъ, ахалцихскомъ пашѣ Ахметѣ, силою были введены прямые налоги, обязательная военная повинность и турецкое чиновничество; при преемникѣ же

Замокъ Тамары близъ Батума.

Ахмета, Абдулѣ-пашѣ, мѣстные беки потеряли и свои земельныя владѣнія и должны были довольствоваться простымъ полученіемъ жалованья. Такимъ образомъ, эта область была сравнена, по управленію, со всѣми остальными частями Турціи.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Батумъ описывается посѣтившими его путешественниками какъ большая деревня, съ значительнымъ числомъ жителей, но съ совершенно ничтожною торговлею и тѣмъ болѣе промышленностью, ограничивавшеюся рыболовствомъ. Такимъ застаеть Батумъ и наша крымская война; въ моментъ же перехода его въ наши владѣнія въ 1878 году, въ немъ насчитывалось до трехъ тысячъ жителей; въ 1884 году это число, по оффиціальнымъ даннымъ, опредѣлялось въ четыре тысячи; въ настоящее же время оно должно быть, по крайней мѣрѣ, утроено.

Замокъ Тамары близъ Батума.

Общій составъ населенія области крайне разнообразенъ и состоитъ изъ кобулетцевъ, армянъ, грековъ, черкесовъ, курдовъ и лазовъ, въ городѣ же къ этимъ представителямъ разныхъ племенъ присоединяются еще евреи, иностранцы-европейцы разныхъ наименованій и небольшое число татаръ и турокъ.

Основное населеніе—кобулетцы, составляютъ грузинскую отрасль и говорятъ языкомъ ничѣмъ не отличающимся отъ гурійскаго говора. Типы ихъ, костюмы, нравы, обычаи—тоже гурійскіе.

Мужчины носятъ, вмѣсто головнаго убора, башлыкъ (такія) живописно обернутый кругомъ головы или одѣтый просто, какъ капюшонъ западныхъ монаховъ и придающій ихъ строгимъ, задумчивымъ лицамъ какой-то библейскій видъ. Платье состоитъ изъ плотно облегающихъ станъ жилета (элеги) и такой же куртки (чаха). Башлыкъ и куртка всегда темнаго цвѣта, жилетъ же часто яркихъ цвѣтовъ и въ разводахъ. На ногахъ шаровары, отличающіеся безчисленнымъ множествомъ складокъ въ поясной части, въ особенности сзади, отчего они походять на турнюръ. Нижняя же часть шароваръ, доходящая обыкновенно до колѣнъ, наоборотъ очень узка. Какъ шаровары, такъ и куртка, обыкновенно изготовляются изъ домашняго грубаго сукна изъ некрашенной шерсти. Обувь составляютъ классическіе чувяки—родъ туфель-ботинокъ, зачастую изъ цѣльнаго куска кожи, даже безъ особой подошвы.

Женщины заплетаютъ волосы въ безчисленное множество косичекъ, прикрываютъ голову сѣро-синеваатою чадрую, называемою чарчабе, подъ которую иногда надѣвается еще феска. Покрывало это спускается по всему платью, состоящему, во-первыхъ, изъ рубашки по колѣна, называемою перанга, такой же длины юбки съ талією и передника, зачастую богато расшитаго. На ноги надѣты тоже шаровары, только значительно шире, чѣмъ мужскіе, и болѣе длинные, доходящіе до щиколки.

Греки и армяне живутъ только въ городѣ и исключительно занимаются торговлею, кромѣ того, греки содержатъ съѣстные лавки и мелкіе рестораны.

Курды не составляютъ осѣдлыхъ жителей и появляются лишь зимою въ долину рѣки Чороха, около Кахабери.

Что же касается знаменитыхъ лазовъ, о возстаніи которыхъ такъ много говорилось при занятіи нами края, то ихъ оказывается въ батумской области самое ничтожное количество, такъ какъ изъ мѣстностей области лазами населены лишь двѣ деревни—Макріели и Марадиди.

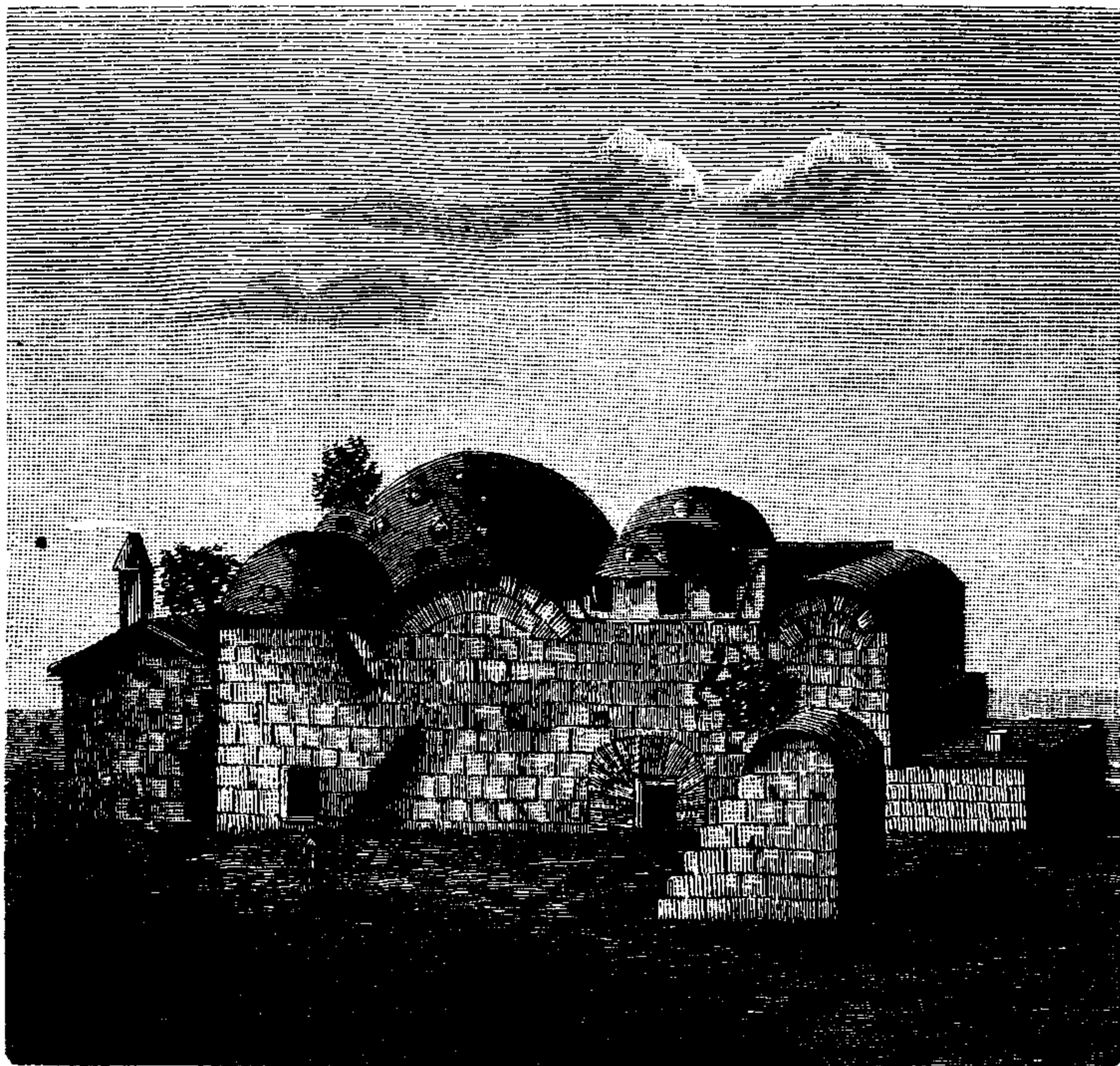
Черкесовъ еще меньше лазовъ, всего около 500 человекъ, но и это малое количество не долюбливается коренными жителями, потому что черкесы крайне непокойные и вороватые сосѣди.

Турокъ тоже очень немного и они живутъ преимущественно въ городѣ. Между ними есть нѣсколько очень богатыхъ и почтен-

ныхъ людей, скромно и тихо живущихъ въ Батумѣ и рѣдко, развѣ по случаю какихъ-либо особенныхъ обстоятельствъ, появляющихся въ обществѣ.

Представители же различныхъ европейскихъ націй составляютъ небольшой контингентъ служащихъ лицъ въ разныхъ иностранныхъ торговыхъ конторахъ, которыхъ немало въ Батумѣ.

Наконецъ, что касается до евреевъ, то ихъ довольно много и они, какъ и вездѣ, исключительно проживаютъ въ городѣ, зани-

Турецкая баня въ Батумѣ.

маясь торговлею, и еще болѣе различными агентствами, въ особенности по керосиновому дѣлу и число ихъ, конечно, увеличится еще болѣе, послѣ воцаренія на керосиновомъ и нефтяномъ поприщѣ Ротшильда и, мнѣ кажется, Батуму скоро придется посерьезнѣе взглянуть на возрастающій наплывъ этихъ мало удобныхъ новыхъ согражданъ.

До сихъ поръ мы еще не упоминали о представителяхъ нашего народа, т. е. о русскихъ. Ихъ не особенно много и они составляютъ преимущественно контингентъ служащихъ въ различныхъ вѣдомствахъ, если не считать двухъ мелочныхъ торговцевъ, торгующихъ на улицѣ, безъ особаго помѣщенія, прямо раскладывающихъ свой товаръ по тротуару и на заборѣ. Одинъ изъ нихъ добродушнѣй-

Турецкая баня въ Батумѣ.

пій толстякъ и весельчакъ, торгуетъ лакированной деревянною посудою московскаго издѣлія, народными книжонками и лубочными картинками. Другой, длинный, худой, типъ ярославца, помѣщается рядомъ и торгуетъ скобеннымъ товаромъ, клеенкою и отчасти картинками. Мѣсто выставки ихъ товара, занимающее нѣсколько сажень по забору главной турецкой бани, служитъ до поздняго вечера толчею самыхъ разнообразныхъ посѣтителей. Въ особенности длинная вереница лубочныхъ картинъ и разложенный скобенный товаръ привлекаетъ массу туземцевъ, подолгу стоящихъ и рассматривающихъ выставленное, при чемъ происходятъ оживленныя бесѣды и своеобразныя объясненія. Русскихъ же мастеровыхъ и рабочихъ, кромѣ одного плотника, я не встрѣчалъ.

Общій обликъ Батума на столько же неопредѣленный, насколько разнообразны по типу его жители. Для бѣглаго обозрѣнія города хорошимъ пунктомъ служитъ громадная плоская крыша Центральной гостинницы, большого зданія съ фасадомъ на три улицы, крайне безвкусно выкрашеннаго въ черный цвѣтъ, какою-то смолою, для предохраненія стѣнъ отъ сырости. Съ этой крыши виденъ весь городъ во всѣ стороны. Къ сѣверу виднѣется безграничная площадь моря, съ прекраснымъ и оживленнымъ рейдомъ и пристанями у берега и вдоль послѣдняго съ массою судовъ всякаго рода и подъ различными флагами, три-четверти изъ коихъ, т. е. судовъ, грузятся керосиномъ. Къ востоку рейдъ окаймляется рядомъ горъ, принадлежащихъ къ группѣ Чаквинскихъ, Цихидзирскихъ и Махинджаурскихъ высотъ, и вдали за ними, къ морю, на самомъ горизонтѣ тянется въ туманныхъ контурахъ Большой Кавказскій хребетъ. Ближе же къ городу и къ югу встаютъ, вершина за вершиною, высоты Малаго Кавказа и Аджарскихъ горъ. По этому направленію лежитъ старая часть города, отличающаяся своимъ несомнѣнно восточнымъ характеромъ, вслѣдствіе множества зданій съ плоскими крышами, своеобразныхъ куполовидныхъ крышъ бань и двухъ минаретовъ. Прямо къ юго-западу лежитъ новая часть города, съ зданіями на европейскій ладъ, оканчивающимися у слабой еще зелени городского сада недавняго насажденія. Къ сѣверо-западу лежитъ остальная часть города, тоже преимущественно европейскаго вида съ большими зданіями, между которыми одиноко, но очень красиво, на чистой синевѣ небесъ и дальняго моря, рисуется большой, каменный, бѣлый минаретъ главной мечети, а сзади нея высокія насыпи и откосы форта Бурунъ-Габія и батумскій маякъ; лѣвѣе ихъ, вдоль моря, тянется узкое, длинное насажденіе различныхъ деревьевъ съ дорожками, именуемое бульваромъ.

По направленію съ востока на западъ и затѣмъ съ отклоненіемъ на сѣверъ, подходя почти къ морю, проходитъ по всему городу желѣзная дорога. Прежній городъ обрывался у линіи дороги,

но теперь, разростаясь, онъ уже перешагнулъ четырьмя или пятью кварталами за линію дороги, на мѣста, гдѣ еще недавно прогуливались ночью лишь шакалы, а теперь стоятъ лучшіе дома Батума и гдѣ больше всего на высокихъ флагштокахъ развѣваются флаги, указывающіе мѣстопробываніе консуловъ различныхъ государствъ.

Всѣ дома въ Батумѣ поражаютъ непривычный глазъ одною особенностью: одна сторона ихъ, и именно западная, всегда обита листовымъ желѣзомъ, большею частью выкрашеннымъ подъ цвѣтъ крыши или остальныхъ стѣнъ. Возводить подобныя стѣны заставляютъ жителей присущіе Батуму дожди, отличающіеся своею продолжительностью и силою. Оригинально выглядятъ съ такою же предохранительною стѣною, но только изъ бѣлой блестящей жести отъ остатковъ керосиновыхъ флягъ,—турецкія лачужки—домики, выстроенные, по мѣткому мѣстному опредѣленію, изъ макаронныхъ ящичковъ.

Въ домахъ на европейскій ладъ имѣются печи разнаго рода, въ турецкихъ же домахъ печей нѣтъ, какъ и во всѣхъ лавкахъ и магазинахъ. Согреваніе происходитъ посредствомъ мангалъ—обыкновенной высокой жаровни на ножкахъ, въ которой тлѣетъ древесный уголь, изрѣдка съ примѣсью каменнаго. Чтобы разжечь такую мангалу, уголь обыкновенно обливаютъ керосиномъ, а потому, независимо отъ легкаго угольнаго чада, получается еще довольно сильный и крайне непріятный запахъ, или просто вонь, пригорѣлаго керосина,—характерный запахъ всего Батума въ дождливое или прохладное время, убійственный для непривычнаго носа. На этихъ же мангалахъ варятъ и жарятъ разное кушанье, въ томъ числѣ и традиціонный шашлыкъ.

Въ городѣ поражаетъ значительное число какихъ-то довольно странныхъ, не то заброшенныхъ, не то недоконченныхъ построекъ, видимо подготовлявшихся для помѣщенія магазиновъ. Большая часть ихъ дѣйствительно имѣли такое назначеніе, но теперь заброшены совсѣмъ, послѣ уничтоженія порто-франко Батума.

Между тѣмъ Батумъ положительно страдаетъ недостаткомъ жилыхъ помѣщеній, вслѣдствіе постояннаго наплыва жителей, особенно служащихъ и холостыхъ, болѣе всего чувствующихъ этотъ недостатокъ. Меблированныхъ комнатъ, въ столичномъ смыслѣ, въ Батумѣ нѣтъ совсѣмъ; они здѣсь замѣняются номерами гостинницъ и хотя послѣднихъ довольно количество, но онѣ постоянно всѣ заняты, такъ что найти подходящее, и, въ особенности, недорогое помѣщеніе въ Батумѣ составляетъ немаловажное затрудненіе. Отдѣльные квартиры, или, по мѣстному обычаю, чаще небольшіе отдѣльные дома, хотя и имѣются, но они непомерно дороги. За небольшіе 4—5 комнатъ, безъ всякихъ удобствъ, нужно заплатить не дешевле 900 рублей. Вода въ дома не проведена; хотя Батумъ и имѣетъ водопроводъ, но его вода для питья считается мало при-

годною и ее приходится брать изъ двухъ городскихъ фонтановъ, около которыхъ цѣлый день толчется куча народу, преимущественно женщинъ, приходящихъ за водою съ характерными узкогорлыми, высокими и пузатыми глиняными кувшинами.

Заговоривъ о водѣ, скажемъ кстати кое-что и о баняхъ, которыя въ ряду другихъ зданій города, выдѣляются своими крышами, представляющими цементные купола полушарообразной, а иногда и грушевидной формы, усѣянные небольшими выпуклыми круглыми стеклами. Самая обширная изъ бань—это такъ называемая губернаторская—довольно неуклюжее зданіе изъ дикаго камня, увѣнчанное пятью купалами, при чемъ средній больше всѣхъ. Входныя сѣни и предбанникъ составляютъ обширный залъ, съ мраморнымъ поломъ; кругомъ стѣнъ идетъ галерея, поддерживаемая весьма красивыми колоннами. Подъ галерею двери въ отдѣленія—большія общія и меньшія отдѣльныя. Какъ въ залѣ, такъ и въ каждомъ отдѣленіи, имѣется по фонтану. Женская половина совершенно отдѣлена и по устройству ничѣмъ не отличается отъ мужской половины.

Посѣщаются бани очень усердно, во всѣ дни недѣли и преимущественно вечеромъ. Турчанки и вообще женщины имѣютъ свой день—четвергъ. Баня для турецкой женщины замѣняетъ вполне клубъ,—только здѣсь она можетъ, безъ всякаго стѣсненія обыкновеннымъ этикетомъ, наболтаться со всѣми своими знакомыми, а потому и неудивительно видѣть у бань, въ особенности вечеромъ, много экипажей, ожидающихъ у подъѣзда, иногда часа по четыре и болѣе, своихъ владѣтельницацъ.

На сколько зимою посѣщаются бани, на столько же весною и лѣтомъ посѣщается купанье въ морѣ, происходящее по всему берегу, но преимущественно вдоль бульвара, гдѣ въ одномъ мѣстѣ, для этой цѣли имѣется небольшой купальный домъ, конечно, далеко не могущій вмѣстить всѣхъ желающихъ, и потому послѣдніе раздѣваются и купаются вдоль всего бульвара, при чемъ, надо замѣтить, купальные костюмы не въ модѣ.

Почти всѣ улицы Батума мощены обыкновеннымъ булыжникомъ, собираемымъ для этой цѣли тутъ же вблизи, на берегу моря. Жаль только, что многія улицы мощены не сплошь, а только по срединѣ, отчего оба края являются источниками непомѣрной пыли. Вообще мостовая содержится довольно порядочно, кромѣ одного пути, представляющаго верхъ безобразія, по совершенной непроѣздности своей. Ухабъ на ухабѣ, весь разѣзженный глубокими колесными колеями, въ небольшой даже дождь превращающійся въ сплошной сѣрый кисель, мѣстами въ добрыя двѣ четверти глубиною и сверхъ всего этого въ одномъ мѣстѣ еще пересѣченный ручьемъ,—таковъ непреувеличенный видъ главной и чуть ли не единственной дороги, по которой, безъ усталости, цѣлый

Батумские типы.

день происходитъ подвозъ керосина къ набережной, для нагрузки на суда. Сцены, которыя приходится видѣть по этой дорогѣ, даже въ сухую погоду, и страшныя мученія выносимыя несчастными лошадьми не поддаются по своему безобразію рѣшительно никакому описанію.

Въ общемъ, однако, Батумъ довольно чистый городъ, кромѣ, конечно, нѣкоторыхъ окраинъ, на примѣръ за турецкимъ кварталомъ или за городскимъ садомъ. Кому, впрочемъ, обязанъ городъ этою относительною чистотою—сказать трудно: полицейскій штатъ ничтоженъ по количеству; дворниковъ, какъ у насъ, въ Батумѣ нѣтъ совсѣмъ; приходится, слѣдовательно полагать, что главный радѣтель чистоты, это довольно частые и обильные дожди, да развѣ еще несмѣтное количество собакъ являющихся главными блюстителями чистоты около мясныхъ рядовъ, базаровъ турецкаго и европейскаго.

Оба эти базара, то-есть собраніе легкихъ деревянныхъ будокъ для торга живностью и овощами, и небольшой рыбный базаръ, на набережной—составляютъ центръ, гдѣ сосредоточивается все съѣстное, потребляемое жителями Батума. При ближайшемъ ознакомленіи съ торгомъ этихъ базаровъ выяснилось странное обстоятельство, что всѣ появляющіеся на нихъ продукты, за совершенно ничтожнымъ исключеніемъ, привозятся очень издалека, а ближайшія окрестности Батума не доставляютъ ничего. Такъ вся битая домашняя птица и дичь доставляются, безъ исключенія, изъ Кутаиса, оттуда же идутъ и овощи; сыръ и масло—изъ Тифлиса и Одессы; мясо—изъ Кутаиса и только баранина мѣстнаго боя, а потому совершенно понятны поразившія меня, вначалѣ, высокія цѣны всѣхъ этихъ продуктовъ, почти равняющіяся нашимъ столичнымъ цѣнамъ. Мѣстные же продукты, какъ на примѣръ, нѣкоторыя овощи (редисъ, брюква, морковь) обличаютъ полнѣйшіе неумѣніе ухода и выращиванія ихъ. Фрукты тоже дороги и хотя по виду крупны и приглядны, но отъ плохого ухода обладаютъ терпкимъ мясомъ; виноградъ продается по нашимъ петербургскимъ цѣнамъ и даже дороже; одно только вино относительно дешево и при томъ очень хорошо.

Причина подобнаго отсутствія окрестнаго производства и слѣдовательно необходимость дальняго привоза, какъ говорятъ, лежитъ въ недавно уничтоженномъ порто-франко Батума. За время порто-франко, все южное побережье Чернаго моря, и въ особенности Константинополь, поставляли въ Батумъ рѣшительно все, начиная съ капусты и кончая разными деликатесами,—всего привозилось много, цѣны стояли невысокія и слѣдовательно производить самимъ жителямъ не было никакого расчета. Затѣмъ порто-франко уничтожилось, прекратился привозъ и хотя требованіе вслѣдствіе увеличившагося числа жителей и возросло, но производство мѣст-

ныхъ продуктовъ еще не образовалось, несмотря на то, что по почвѣ и въ особенности по климату, это дѣло обѣщаетъ въ будущемъ умѣлому предпринимателю и хорошій сбытъ и хорошіе барыши.

Характерную особенность овощнаго торговаго составляетъ множество разнаго рода пряныхъ и душистыхъ травъ, продаваемыхъ для потребленія въ сыромъ видѣ. Хорошій туземный столъ изобилуетъ ими и ихъ ѣдятъ безостановочно между блюдами. Последнія въ мѣстномъ обѣдѣ довольно однообразны, такъ какъ преимущественно все вертится на баранинѣ, въ многоразличномъ только видѣ приготовленія. Главнѣйшее блюдо составляетъ шашлыкъ; этимъ именемъ впрочемъ называется не только одна баранина жаренная на вертелѣ, но и другія мяса зажаренныя тѣмъ же способомъ. Затѣмъ болѣе всего въ почетѣ жаренная птица—курица и индѣйка, изрѣдка фазанъ и въ опредѣленное время дичь, между которою больше всего попадается родъ куропатки—турачь, а по-грузински—каха. Далѣе главную ѣду составляетъ рыба: кефаль, камбала и султанка (мелкая рыба)—мѣстнаго лова; остальные сорта рыбъ—судакъ, щука и форель, по-грузински кормахи—привозные. Рыба изловленная въ батумскомъ заливѣ вся пропитана вкусомъ и запахомъ керосина и потому понятно, что какъ вареная, такъ и жареная, она крайне непріятнаго вкуса; однако народъ видимо свыкъся съ этимъ и покупаетъ рыбу мѣстнаго лова въ значительномъ количествѣ, не имѣя возможности платить дороже за ловленную въ другихъ мѣстахъ побережья.

Какъ питье, исключительно въ ходу вино, какъ мѣстное, такъ и кахетинское. Сверхъ того, Батумъ потребляетъ много сельтерской воды и лимонаду, что доказывается существованіемъ трехъ заводовъ искусственныхъ водъ.

Для полноты перечисленія всего потребляемаго, слѣдуетъ еще упомянуть о мѣстахъ продажи хлѣба и готоваго кушанья. Употребительнѣйшій хлѣбъ бѣлый, въ родѣ нашего петербургскаго, извѣстнаго подъ именемъ ситника, но много хуже выпеченный и тяжеловатый; затѣмъ идутъ разные мѣстные печенія, въ числѣ коихъ видное мѣсто, по потребленію, принадлежитъ небольшимъ круглымъ булочкамъ изъ кукурузной муки, называемымъ чуреки и тонкимъ огромнаго размѣра лепешкамъ-лавашамъ—служащимъ при ѣдѣ и какъ хлѣбъ, и какъ тарелка, и какъ салфетка. Какъ признакъ нашего вліянія, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ пекарняхъ бублики или баранки, очень хорошо сдѣланные и такъ и называемые «русскими».

Что касается мѣстъ продажи готоваго кушанья, то это обыкновенно весьма небольшія, тѣсныя помѣщенія, всегда находящіяся въ нижнемъ этажѣ, со входомъ прямо съ улицы. Отъ входа сдѣлано большое окно, но безъ рамъ, въ которомъ выставленъ рядъ весьма ёмкихъ и своеобразныхъ кастрюль, отличающихся опрятностью и

содержащихъ различные изготовленные кушанья, исключительно туземной и греческой кухни. Изготовление происходитъ тутъ же, такъ какъ рядомъ съ выставкою, занимая не рѣдко болѣе полкомнаты, помѣщается и варительная печь, около которой всегда хлопочетъ хозяйинъ-грекъ, въ красной фескѣ на головѣ, готовящій, рѣжущій, наливающій и разносящій посѣтителямъ произведенія своего кулинарнаго искусства. Меню очень разнообразно; всегда имѣется на лицо два, три супа и пять, шесть отдѣльныхъ блюдъ, опрятно и вкусно изготовленныхъ и въ этомъ отношеніи совсѣмъ не гармонирующихъ съ тѣснымъ, невзрачнымъ помѣщеніемъ и посѣтителями, большею частью, рабочимъ людомъ.

Для людей достаточныхъ существуютъ много кофейныхъ, различныхъ какъ по обстановкѣ, такъ и по посѣтителямъ. Въ одной изъ нихъ мы были однажды свидѣтелями оригинальной картины. За столомъ, передъ стаканомъ вина, сидѣлъ молодой человекъ въ туземномъ костюмѣ и громко распѣвалъ какую-то пѣсню. Воодушевляясь все болѣе и болѣе онъ своимъ пѣніемъ видимо воодушевлялъ и всю окружавшую его публику, принявшуюся вторить припѣвомъ каждому куплету пѣсни пѣвца. Онъ пѣлъ все громче и громче и пѣснь его лилась, то бравурнымъ темпомъ, то медленно и грустно, то переходила въ скороговорку, то слышалось подражаніе выстрѣламъ. Къ сожалѣнію, содержаніе пѣсни оставалось для меня непонятнымъ, по слишкомъ малому знакомству съ языкомъ, но мнѣ сказали, что это эпическое стихотвореніе, въ которомъ изображается военный эпизодъ изъ схватокъ туземцевъ съ турками. Этой пѣснѣ повидимому не было конца—куплетъ слѣдовалъ за куплетомъ, при не ослабѣвающемъ паосѣ пѣвца и присутствующихъ. Наслушавшись вдоволь я ушелъ, но звуки пѣсни еще долго провожали меня по улицѣ.

Мѣстъ для гулянья въ Батумѣ немного. Для этой цѣли служитъ городской садъ и такъ называемый бульваръ; первый однако посѣщается меньше, вѣроятно потому, что онъ лежитъ на окраинѣ города и представляетъ мало тѣни, по молодости своихъ насажденій. Садъ этотъ интересенъ собраніями своихъ растеній, между которыми есть не мало представителей болѣе теплыхъ странъ: распланировку его нельзя назвать удачною и еще менѣе,—избранное подъ него мѣсто, плоское и голое кругомъ; только, омывающее садъ съ одной стороны, небольшое озеро нѣсколько разнообразитъ крайне унылый и пустынный видъ этой мѣстности.

Бульваръ тоже совсѣмъ молодое насажденіе, вдоль морского берега, относительно узкое, но очень длинное, посреди котораго стоитъ бесѣдка съ площадкою на верху, откуда открывается прелестный видъ на море. Деревья бульвара хотя и немного больше чѣмъ въ саду, но они едва ли когда-либо разростутся вполнѣ, такъ какъ слишкомъ подвержены иногда сильнымъ вѣтрамъ съ моря, омы-

вающаго бульваръ во всю его длину и зачастую, при сильномъ волненіи, заливающаго даже крайнюю дорожку.

По части же умственной пищи активъ Батума очень слабъ. Въ немъ только одна первоначальная и двѣ частныя школы. Впрочемъ, недавно открыта еще ремесленная школа. Для чтенія имѣется одна библіотека недавно перебравшаяся изъ Кутаиса; въ ней же помѣщается единственная книжная торговля. Библіотека снабжена сноснымъ выборомъ книгъ, имѣетъ почти всѣ наши большіе журналы и кажется не можетъ пожаловаться на отсутствіе подписчиковъ; отдѣлъ же продажныхъ книгъ ничтоженъ. Кроме того, имѣетъ свою библіотеку военное общество, состоящее почти исключительно изъ артиллеристовъ, и помѣщающееся внѣ города, въ такъ называемомъ военномъ городкѣ, расположенномъ у подножія окружающихъ Батумъ возвышенностей.

Санитарное и гигиеническое состояніе Батума безъ всякаго сомнѣнія значительно улучшилось со времени его присоединенія, хотя, по нѣкоторымъ условіямъ мѣстности, городъ сохраняетъ за собою славу разсадника упорныхъ и злокачественныхъ лихорадокъ, обусловленныхъ какъ высокою среднею, такъ въ особенности, лѣтнею температурами при обильныхъ водяныхъ осадкахъ. Кроме того, къ одной изъ немаловажныхъ причинъ такой дурной славы, слѣдуетъ причислить довольно обширное болотистое пространство, окаймляющее городъ съ востока, вдоль линіи желѣзной дороги и у подножія ближайшихъ возвышенностей. Болотистое пространство это, кишашее почти круглый годъ разными представителями земноводныхъ и заросшее болотистыми растеніями, при наступленіи болѣе теплой погоды быстро пересыхаетъ и теряя такимъ образомъ, необходимую для его обитателей влагу, быстро начинаетъ гнить и безъ всякаго сомнѣнія составляетъ причину развитія маляріи. Высушка этого болота и уничтоженіе кустистыхъ зарослей съ массами огромнаго папортника-орляка, много способствовало бы оздоровленію окружающаго городъ воздуха.

Многими врачами Батумъ съ нѣкоторыхъ поръ рекомендуется какъ санитарная станція для туберкулезныхъ больныхъ, при чемъ это указаніе основывается очевидно на общепринятомъ основаніи приморскаго положенія города; но слѣдя внимательно за ходомъ атмосферическихъ измѣненій Батума, нельзя согласиться съ такимъ взглядомъ на его санитарныя качества. Повышеніе температуры весенней на лѣтнюю идетъ слишкомъ быстро и потому скоро наступаютъ жаркіе дни, мало умѣряемые близостью моря, и при отсутствіи настоящей растительности—воздухъ скоро становится душнымъ, сухимъ и, при бездождіи, пыльнымъ, а это конечно не можетъ благотворно дѣйствовать на слабогрудыхъ и легочныхъ больныхъ. Зимній же сезонъ слишкомъ обиленъ водяными осадками. И дѣйствительно для многихъ больныхъ этого рода, пріѣзжающихъ въ Батумъ, онъ оказывается послѣднею земною станціею.

Затронувъ въ бѣглому очеркѣ всѣ болѣе или менѣе выдающіяся черты, характеризующія Батумъ, слѣдуетъ въ заключеніе упомянуть и о его окрестностяхъ, тѣмъ болѣе, что одна изъ нихъ имѣетъ бальнеологическое значеніе и слѣдовательно подходитъ непосредственно къ только-что упомянутому нами вопросу.

Эта мѣстность есть одно ущелье Махинджаурскихъ возвышенностей, лежащее въ верстахъ въ двѣнадцати отъ Батума, почти по линіи желѣзной дороги и извѣстное подъ именемъ Панцыря. Особенность этого пункта состоитъ въ томъ, что здѣсь имѣется сѣрный источникъ, при которомъ выстроено, довольно безтолковое, зданіе, съ небольшимъ подобіемъ ваннъ для купанья. Все устройство принадлежитъ инициативѣ теперешняго владѣльца Панцыря, родомъ баварца, оригинальнаго и надо сказать мало умѣлаго или скорѣе неудачливаго піонера этого дѣла. Даже право владѣнія его этою мѣстностью находится подъ какимъ-то сомнѣніемъ, а эксплуатація какъ источника, такъ въ особенности остальнаго хозяйства, отнюдь не оправдываетъ выдержку и практичность, обычныхъ въ представителяхъ націи теперешняго владѣльца Панцыря. А между тѣмъ, какъ свойства и качества источника, такъ равно и близкое (версты двѣ) растояніе отъ желѣзной дороги, даютъ право предполагать, что въ будущемъ, въ особенности при затратѣ извѣстнаго капитала, Панцырь сдѣлается непременно одною изъ извѣстныхъ лечебныхъ станцій. Само ущелье, нѣсколько мрачное по своей узкости, тѣмъ не менѣе крайне живописно склономъ горъ, густо усѣянныхъ превосходными и громадными деревьями въ перемежку съ кустами рододендроновъ.

По среди пути, отъ Батума къ Панцырю, на берегу моря, лежитъ небольшая возвышенность, конусообразной формы, по которой вьется дорожка, приводящая на вершину горы къ находящимся на этой вершинѣ развалинамъ замка Тамары. Склоны горы усѣяны различными плодовыми деревьями, между которыми живописно извиивается и образуетъ цѣлые заросли плющъ и розы. Въ особенности хороша небольшая верхняя площадка у подножія развалинъ, съ прелестнымъ видомъ на море и бѣлѣющій вдаль Батумъ, съ одной стороны, и безконечную цѣпь горъ, съ другой стороны. Этотъ пунктъ излюбленное мѣсто гулянья батумцевъ.

Вблизи города находится еще очень красивое мѣсто называемое Саук-су, отъ ручья здѣсь протекающаго. Отсюда самый лучший видъ на Батумъ, лежащій внизу какъ на ладони, а за нимъ безпредѣльная площадь Чернаго моря, не оправдывающаго въ прекрасный весенній день своего названія, такъ какъ оно совершенно голубое.

Въ противоположную сторону отъ описанныхъ окрестностей Батума, по направленію къ юго-западу, по Артвинскому шоссе, идетъ дорога къ одному изъ мѣстъ также посѣщаемыхъ всѣми, у

сліянія рѣки Чороха и Аджарис-цкали. Дорога сначала идетъ по плоской мѣстности, затѣмъ вдоль незначительныхъ возвышенностей, сплошь покрытыхъ до самой вершины кустами понтійской азалеи. Далѣе возвышенности становятся выше и выше и въ плотную подходятъ къ рѣкѣ Чорохъ, быстро несущей мутныя весеннія воды свои, мимо отвѣсныхъ уступовъ, по которымъ извинаясь проложена дорога. Слева, въ одномъ мѣстѣ, въ неглубокой каменной раселинѣ ниспадаетъ, точно по отшлифованнымъ утесамъ, небольшой водопадъ, разбившійся на нѣсколько потоковъ. У самаго сліянія Чороха и Аджарис-цкали возвышается оригинальнѣйшая гора—совершенно правильный конусъ, до верху покрытый большими деревьями и сплошными кустами, а дальше за этимъ конусомъ, по ущелью рѣки, виднѣются вдали снѣжныя вершины. Немного далѣе этого пункта, по направленію къ Артвину, шоссе прекращается и затѣмъ идетъ простая дорога, могущая по красотѣ окрестныхъ видовъ Аджарскихъ горъ вполне соперничать съ военно-грузинскою дорогою.

Н. Спѣшневъ.

